

АНАТОЛИЙ
ЛУНАЧАРСКИЙ

ПЯТЬ ФАРСОВ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ

RUGRAM

Москва

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Л84

Луначарский А.

Л84 Пять фарсов для любителей / А. Луначарский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 104 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72995-6

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Анатолия Луначарского «Пять фарсов для любителей».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72995-6

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕРХЧЕЛОВЕК.....	5
ЕЩЕ СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ	24
БЕГЛЫЙ ПОЛИТИК	39
БОМБА	56
ОБЩЕСТВО МАЛОЙ СКОРОСТИ.....	73

СВЕРХЧЕЛОВЕК

ФАРС

ЛИЦА:

Роман Петрович Панибратов, красивый брюнет с бородкой и в пенсне, одет элегантно, самоуверенные манеры.

Иван Иванович Небогатько, нищий студент, рыжий, в очках, робок.

Кирилл Владимирович Днепров, земский врач, очень полный и невозмутимый человек.

Яков Акимович Сердобский, большего роста, вспыльчивый и резкий.

Мария Ипполитовна Клинцева, красивая девушка лет 20-ти.

Дуня — горничная.

Действие происходит в Петербурге, в квартире Панибратова.

Сцена представляет изящный кабинет, книжные шкафы, письменный стол, диван. На стене оружие и портреты Карла Маркса и Лассаля.

Явление I

Панибратов сидит в кресле, вытянув ноги, и курит, около него портсигар.

По другую сторону стола сидит Небогатько.

Пан. Не уютно ли папиросу? Недурны.

Неб. Благодарю... не курю.

Пан. Да что вы? Так возвратимся к нашим овцам, как говорят французы! Это уморительно, эта интимность с таким гусем.

Если бы он узнал, что я близок к революционным кругам, он бы с ума сошел. Да, нет, не поверит, ни за что не поверит! Он так убежден, что такой *grand seigneur* непременно их сторонник! На днях у баронессы Моргенштерн мы играли на билиярде: представьте себе: я с чиновником особых поручений при обер-прокуроре синода, и этот гусь с лейб-гвардейским поручиком. И я ему говорю: Евгений Фомич, говорю, чем вы объясните у меня это «влечение — род недуга» к революционерам?! (*хохочет*). Так и говорю: «Я прямо, говорю, в восторге, когда могу сообщить для потомства в моих мемуарах что-нибудь эдакое экстраординарное из этой эпической борьбы двуглавого орла с многоголовой гидрой» (*хохочет*). А он каркает: «всегда рад, всегда рад быть полезным, архивы моего департамента к вашим услугам».

Неб. Но... скажите... вам не противно с ними.

Пан. Гадко... Ужасно, ужасно гадко. (*Задумчиво*). Ведь это форменные скоты. Но раз моя близость с ними необходима для дела (*вздыхает*), раз это полезно — я готов на все. (*Пауза*). Не знаю, как вы, молодой человек, как ваше поколение, но мой девиз: «цель оправдывает средства!» Я готов на при-

творство, на ложь, на подлог, если это надо для нашего святого дела. «А о Петре ведайте, что жизнь не дорога ему, жила бы только великая Россия». Или как говорил Дантон: «Пусть погибнет, мое имя, но пусть торжествует революция».

Неб. Я совершенно согласен. Вы — благородный человек, Роман Петрович. Пусть осуждают филистеры.

Пан. (*махнув рукой*). Ах, да пускай свет осуждает, ах, да пускай клянет молва.

Неб. Но не компрометируют ли вас в их глазах эти портреты, наши посещения.

Пан. Они у меня не бывают и за мною не следят. Да и кто же меня посещает — вы, да товарищ Гурий. А другим я запрещаю ходить ко мне (*встает*). Так вы передайте все, что я вам говорил, а через часок так вернитесь. Я денег раздобуду. Так и скажите — тысячу невозможно, но рублей 400 я достану (*пожимает ему руку*).

(*Небогатышко кланяется и уходит*).

Явление II

Панибратов один. Прохаживается. Потягивается.

Пан. Эх, хорошо жить на свете умному человеку!

Явление III

Маша и Панибратов.

Маша (*входя*). Ты один?

Пан. Да. И сейчас уезжаю. Вернусь через часок, но дай Бог, если сумею дома пообедать, а после отправлюсь кое-куда, может быть денька на два.

Маша (*топнув ногой*). Да что ж это такое, наконец! (*со слезами*). Я не для того бросила маму и папу, чтобы тосковать и тосковать без конца!

Пан. (*пожимая плечами*). Ты думаешь, я рад что ли? Насколько я предпочел бы наслаждаться кейфом с моей кошечкой!

Маша. Это слова! А на деле я всегда одна! Не может быть, не может быть, чтобы ты не мог бросить дела на неделю.

Пан. (*обнимая ее*). Кошечка, никак не могу. Я обожаю тебя, ты знаешь; присядь-ка! Вот так, и я сяду у твоих ног. Кошечка, ты хоть и маленькая птичка, но у тебя благородное сердечко, и ты поймешь! Ведь я — революционер, это значит — борец за безумно страдающий народ против косной и страшной силы. Мои товарищи борются, напрягая все свои силы, отстаивать от них преступно! Не только моя совесть осудила бы меня, но ты сама. Подумай: разве ты в глубине души не гордишься мужеством твоего Романа? его беззаветной преданностью великому делу?

Маша (*обнимая его голову*). Милый! но мне скучно без тебя и так страшно за тебя! Ведь ты знаешь, я действительно была беспечной птичкой, я росла у папы словно в оранжевое и только мечтала много, да читала романы. О революции я и не думала. О любви правда много. Я как будто ждала тебя, когда ты приехал...

Пан. (*смеясь*). Ты сразу узнала меня и сказала «это он!» Все это я знаю.

Маша. Не смейся, гадкий! Я смело отдалась тебе, я поехала с тобой, очертя голову, бросила папу, маму. И вдруг — ты оказался революционером!

Пан. Тебе это не нравится?

Маша. Мне нравится. Я очень понимаю это. Ты — герой. Я сказала бы, что полюбила тебя в сто раз больше, когда узнала, что ты революционер, если бы я не увидела сразу, что ты герой, по этому лбу (*целует его в лоб*), по этим глазам, губам (*целует его*).

Пан. Милая!

Маша. Но ты вечно покидаешь меня! В Петербурге я никого не знаю... Да и не хочу знать. Я страшно горда, а мое положение ложное.

Пан. Ты не можешь упрекнуть меня, я же предупредил тебя, что женат.

Маша. Рома! Разве я упрекаю! Я только грущу, грущу.

Пан. А книги, духи, конфеты, которыми вас заваливает ваш поклонник, моя заколдованная принцесса?

Маша. Тебя, тебя мне нужно... Рома, уедем! Ну, ненадолго, ну на месяц! И ты выучи меня всему, и потом мы вместе будем делать революцию!

Пан. (*хохочет*). О мои невинные, широкие глазки (*целует ее*). Это придет, придет со временем. Но пока — терпение. Когда-нибудь и отдохнуть поедем и работать станем вместе. А теперь мне надо ехать. Без меня придет этот бледненький студентик за деньгами, так ты ему скажешь, что я сейчас приеду и извинишься, что это ты, плутовочка, меня задержала.

(*Целует ее крепко и уходит*).

Явление IV

Маша одна.

Маша (*удивленно*). Удивительный человек Рома. Удивительный! Я уверена, что очень скоро он доведет дело до

конца и низвергнет правительство. Тогда весь Петербург уберут красными флагами, и все будут в красных шапочках. Масса народа! Все будут ликовать. А Рома поедет в открытой коляске со мною. Музыка будет играть туш. Благодарный народ будет кричать: «да здравствует Панибратов, президент Русской республики!» А женщины будут спрашивать: «А кто эта красавица, что рядом с ним? его жена?» — Вот еще — жена! как бы не так! — пусть развратничает себе там где-то, — на теплых водах! Нет-с, это не жена его, это его свободная подруга, гражданка Мария Клинцова. (*Задумчиво*) Рома серьезно развил во мне революционный дух! И иногда мне приходят в голову мысли удивительные... и даже неприятные... хотя вместе сладкие... Мне думается, хорошо ли, что я живу такой птичкой? Женщина может быть очень полезной для революции. Не говоря уже о том, что элегантная дама всегда может провезти кучу прокламаций, но вообразите себе: я, красавица, молодая, вскакиваю в фригийской шапке на трибуну и восклицаю: «Граждане! Пойдемте освобождать братьев из Петропавловки! Умрем за свободу!» и т. д. Толпа растет, меня несут на носилках. Я машу саблей. «Вперед!» Вдруг предательский залп. Она, чудная красавица, вождь, кумир толпы, падает, хватаясь за сердце. Рома успевает приблизиться. «Мария!» А я замирающим голосом (*со слезами*): «Рома, я умираю... за народ... за свободу... живи, мое счастье!» И её молодая, нежная грудь, орошенная кровью, испускает последний вздох (*плачет*). Нет... не надо, чтобы убили, а только ранили, и то немножко. Так чтобы не испортили грудь, и потом...